“мне трудно говорить о Бродском в прошедшем времени”

Шеймус Хини — Газете

Газета 2003-19 июля с. 1, 11

Ирландский поэт Шеймус Хини, лауреат Нобелевской премии 1995 года, один из поэтов ближайшего окружения Иосифа Бродского, приехал в Россию. В Москве, в Библиотеке иностранной литературы, прошел его вечер. А в Петербурге ирландский поэт зашел в «полторы комнаты» дома Мурузи на Литейном проспекте, где жил когда-то Иосиф Бродский. С Шеймусом Хини беседовала Мария Коростелева.

Вы были другом Иосифа Бродского. Скажите, он рассказывал вам о Советском Союзе? И узнаете ли вы черты того Советского Союза в сегодняшней России? Иосиф не очень-то много говорил об этом. Он был, как вы знаете, сильно против любой жалости к себе. Но он много писал об этом своем опыте, опыте жизни в изгна-

нии. Так что мое представление о прошлом Иосифа в Советском Союзе сложилось из того, что я читал. Было знаменитое описание судебного процесса над Бродским, опубликованное в журнале в Америке, оно наделало много шума. Затем были его эссе из книги «Меньше единицы», и прежде всего это его душераздирающее автобиографическое эссе о том, как он рос в «полутора комнатах». Только однажды он действительно рассказывал мне о Петербурге. Это было летом 1987 года, когда он приехал в Дублин на несколько дней. Обычно мы встречались в доме поэта Дерекэ Уолкотта или в компании друзей в Нью-Йорке, говорили преимущественно о литературе, и с нами всегда был кто-то третий. Но это был длинный спокойный день, мы были вдвоем. Мы гуляли вдоль реки Лиффи, которая вытекает из моря. Шли, вдыхая запах

моря, глядя на корабли, и он говорил, о том, как все это ему напоминает Петербург, и еще говорил о своем отце...

Вы когда-нибудь обсуждали с ним возможность возвращения? Вы ведь тоже в свое время покинули графство Дерри в Северной Ирландии, где вы родились, и переехали в Ирландскую республику? Долгое время ему не разрешали приехать, чтобы увидеть своих родителей, и это его сильно ранило. Но потом, я думаю, наступил такой момент, когда он уже не мог вернуться. Я не знаю почему, но знаю, что однажды он осознал это очень отчетливо. Вообще у него был очень определенный характер, с самого начала он осознавал себя как «певца», как индивидуальный дух. Иосиф никогда не мог сказать «я страдал». Он сам себя создал.

Окончание на странице 11